

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты. Перевод и примечания И. С. Перетерского. М., 1984

Римское право издавна привлекало к себе интерес и внимание многочисленных исследователей, поскольку его изучение имело не только теоретическое, но и большое практическое значение. К настоящему времени последнее в основном сошло на нет. Тем не менее интерес к римскому праву неуклонно растет. Если в 1932 г. во всем мире было четыре периодических издания, полностью или почти полностью посвященных римскому праву, то к 1972 г. их стало уже восемь или девять¹. Этот интерес ознаменован новым подходом к изучаемому материалу. В настоящее время окончательно преодолен присущий пандектной литературе антиисторический подход к римскому праву, связанный со стремлением приспособить его к современной юридической практике. Римское право изучают теперь как составную часть римской культуры, а зарождение, развитие и функционирование его институтов стремятся рассматривать в конкретно-историческом контексте. Современные юристы, специализирующиеся в области римского права, основное внимание уделяют не столько юридическим, сколько историко-юридическим проблемам². Историки в свою очередь все чаще обращаются к исследованию как отдельных институтов, так и всей системы римского права³. Плодотворность такого подхода может служить лишним доказательством того, что наиболее перспективна разработка проблем, располагающихся на стыке различных научных дисциплин.

Эти тенденции характерны как для зарубежной, так и для советской исторической науки. В 1949 г. Н. А. Машкин отмечал: «Без серьезного усвоения основ римского права невозможны углубленные занятия ни по истории древнего мира (особенно по римской истории), ни по истории средних веков»⁴. В последние десятилетия специалисты по истории древнего Рима стремятся не только широко использовать юридические памятники как источник конкретно-исторической информации, но и строить свои выводы на основе исследования отдельных институтов римского права. К этим институтам в поисках материала для сравнений и противопоставлений обращаются также советские востоковеды и медиевисты в работах, посвященных историко-юридической тематике.

В наше время назрела необходимость широкого освоения историками юридического материала, дальнейшей исторической разработки основ римского права, однако этому препятствуют как недостаточно близкое знакомство многих историков с институтами римского права, так и специфика таких сложных источников, как юридические сочинения и сборники императорских решений по отдельным вопросам.

¹ *Jolowicz H. F., Barry N. Historical Introduction to the Study of Roman Law.* Camb., 1972, p. 11.

² Так, например, особенно активно разрабатывается история римской юриспруденции в связи с политической и социальной историей эпохи (*Schulz F. Geschichte der römischen Rechtswissenschaft.* Weimar, 1961; *Kunkel W. Herkunft und soziale Stellung der römischen Juristen.* Graz — Wien — Köln, 1967; *Honoré A. M. Gaius.* Oxf., 1962).

³ Не случайно один из наиболее интересных в последнее время общих обзоров системы римского права и его роли в жизни римского общества написан не юристом, а историком (*Crook J. Law and Life of Rome.* L., 1967).

⁴ *Машкин Н. А.* — Рец. на кн.: Римское частное право. Под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. — ВДИ, 1949, № 2, с. 163.

Поэтому особое значение приобретают научные переводы памятников римского права, которые могут ориентировать историков в этом материале и служить пособием при работе с оригиналом. До последнего времени в распоряжении советских историков кроме выполненных еще в прошлом веке переводов «Институций» Гая имелись только переводы «Сентенций» Павла и «Фрагментов» Ульпиана⁵, отдельных отрывков из Дигест и Кодексов, включенных в хрестоматии⁶. Переводы «Свода гражданского права» на французский, немецкий и английский языки⁷ в наше время либо полностью, либо в значительной мере устарели.

В этих условиях особенно актуальным является издание перевода избранных фрагментов Дигест, выполненного около 30 лет тому назад профессором юридического факультета МГУ И. С. Перетерским (1889—1956). Этот полезный и нужный не только юристам, но и историкам труд был напечатан по инициативе ученика И. С. Перетерского проф. Е. А. Скрипилева, который стал ответственным редактором издания. В редакционную коллегию наряду с видными юристами вошла также Е. М. Штаерман.

Перевод И. С. Перетерского включает в себя фрагменты первых 26 книг из 50, а также извлечения из конституций Юстиниана о составлении Дигест, о их обнародовании и утверждении. Таким образом, читатель может получить конкретное представление о первой половине памятника.

Из 173 титулов, входящих в первые 26 книг Дигест, совершенно не переведены четыре⁸, один титул переведен полностью⁹, а остальные — с большими или меньшими пропусками. Иногда пропущены отдельные фрагменты, иногда — отдельные параграфы или предложения внутри фрагментов. И. С. Перетерский, очевидно, стремился сохранить наиболее яркие, содержательные с точки зрения юриста фрагменты, а в них самих оставить полностью то, что относится к юридическим правилам и принципам, то же, что касается ситуаций, иллюстрирующих эти правила, и принципы, и конкретные детали, — привести частично. Без сомнения, такие критерии отбора материала связаны с тем, что работа была адресована в первую очередь юристам, а не историкам. И. С. Перетерский выделял в тексте источника наиболее вероятные интерполяции, опираясь в основном на данные стереотипного издания Дигест Моммзена—Крюгера и реконструкции текста классических юристов О. Ленеля¹⁰. Краткие примечания (в постраничных сносках) дают возможность разобраться в юридических тонкостях или более конкретно представить себе ситуацию, о которой идет речь.

В приложениях помещен полный перевод титула «О военном деле» (D. 49, 16), выполненный профессором юридического факультета ЛГУ И. И. Яковкиным (1881—1949). В открывающей книгу очерке «Дигесты Юстиниана — основной источник познания римского права» Е. А. Скрипилев дал краткую, но очень емкую характеристику и самому памятнику, и римской юриспруденции в целом. В очерке говорится также о содержании остальных (непереведенных) 24 книг Дигест. Кроме того, в приложениях читатель может найти перечень титулов этих книг. Чрезвычайно полезным представляется нам также составленный Е. А. Скрипилевым «Перечень имен римских юристов, писателей, императоров и должностных лиц, цитируемых или упоминаемых в Дигестах». Следует с благодарностью отметить, что редколлегия сделала все, что от нее зависело, дабы помочь читателю разобраться в столь сложном и неоднородном памятнике, как Дигесты.

⁵ Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Пер. Е. М. Штаерман. — ВДИ, 1971, № 1—2; Домиций Ульпиан. Фрагменты. Пер. Е. М. Штаерман. — ВДИ, 1971, № 2.

⁶ См., например: Хрестоматия по истории древнего Рима. Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962; перевод двух титулов «Дигест» (D. 1.1 и D.1.3) дан в приложении к кн.: Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. М., 1956.

⁷ Corpus iuris civilis. P. 1—10. P., 1818—1823. Das Corpus iuris civilis. B. 1—7. Lpz, 1830—1833; Scott S. P. The Civil law, including the Twelve Tables, the Institutes of Gaius, the Rules of Ulpian, the Opinions of Paulus, the Enactments of Justinian and the Constitutions of Leo, 17 vols, in 7. Cincinnati, 1932.

⁸ D. 1.10 (О сенаторах); D. 1.17 (О должности августального префекта); D. 1.20 (О должности окружного судьи); D. 2.9 Каким образом должно быть представлено обеспечение, если предъявлен некалальный иск).

⁹ D. 1.1 (О правосудии и праве).

¹⁰ Lenel O. Palingenesia iuris civilis. V. 1—2. Lpz, 1889.

Из семи частей, на которые подразделялся памятник при Юстиниане¹¹, в переводе И. С. Перетерского представлены четыре: 1) *Ta prota* (кн. 1—4) — общая характеристика права и судопроизводства; 2) *De iudiciis* (кн. 5—11) — о защите права собственности и других прав на вещи с помощью вещных исков; 3) *De rebus* или *de rebus creditis* (кн. 12—19) — обязательственное право и связанные с ним личные иски; 4) *Umbilicus* (кн. 20—27) — разнородный раздел, в котором речь идет о кредитных отношениях, сделках, связанных с куплей-продажей, о судопроизводстве, семейном праве, а также об опеке и попечительстве (кн. 26—27). Перевод обрывается на середине раздела, посвященного опеке и попечительству. Смерть помешала И. С. Перетерскому дать перевод избранных фрагментов всего текста Дигест.

Однако и в дошедшем до нас виде перевод представляет очень большой интерес. Он знакомит читателя с историческим источником, значение которого трудно переоценить. Ведь Дигесты представляют собой нечто вроде автопортрета (хотя бы и приукрашенного) древнего Рима, в котором выделены главные характерные черты оригинала — зафиксированные в праве система производственных отношений и вся социальная структура в целом. В Дигестах можно найти богатую и подчас уникальную информацию об экономике древнего Рима, о классовой борьбе, о характере и деятельности государственного аппарата, о быте и социальной психологии различных категорий населения. Без этого памятника немислимо и изучение римской культуры в целом, и особенно изучение римской юриспруденции — главного вклада древнего Рима в культурное наследие античности.

Даже при самом беглом чтении перевода И. С. Перетерского видно, насколько глубоко и многосторонне отражена в нем жизнь древнего Рима. Он позволяет, например, получить представление о различных аспектах римского рабства. Причем далеко не все данные, ставшие теперь доступными широкому читателю, введены у нас в научный оборот, хотя институт римского рабства широко исследован в советской историографии. С этой точки зрения особенно интересен титул, посвященный эдильскому эдикту (D. 21, 1), в котором регулируются отношения, связанные с продажей рабов. Рассуждая о том, какие рабы являются полноценными, а какие, — так сказать, недоброкачественными, римские юристы представляют читателю целую галерею социально-психологических типов. Здесь перечисляются провидцы, постоянно впадающие в экстаз, игроки в азартные игры, бродяги, пьяницы, обжоры, обманщики, сутяги, воры, скандалисты, меланхолики, скопидомы. Им противостоит в тексте образ идеального раба, который честен, тверд, трудолюбив, расторопен, послушен, знаком с каким-либо ремеслом и имеет пекулий, приобретенный благодаря присущей ему бережливости. Лучше всего, однако, простоватый новичок, еще не изведавший рабской доли, поскольку хозяин может лепить из него что угодно по своему вкусу.

Читая многочисленные фрагменты, посвященные судопроизводству, можно получить представление о социальной иерархии внутри свободных. В этом отношении интересны рассуждения юристов о сравнительной ценности того или иного хранителя завещания или свидетеля. По их мнению (D. 22, 4, 6; 22, 5, 3), следует всегда предпочитать старшего младшему, человека, пользующегося почетом (*amplioris honoris*), — низшему (*inferiori*), мужчине — женщине, свободнорожденного — вольноотпущеннику, декуриона — плебею и богатого — бедному. При этом судья, исследуя достоверность тех или иных обстоятельств дела, должен принимать во внимание не только число свидетелей, но также их «достоинство и авторитет».

Завершающий перевод титул «О военном деле» (D. 49, 16) представляет собой нечто вроде краткой энциклопедии жизни римской армии, которая показана не с самой парадной стороны. Особенно интересны рассуждения, касающиеся самовольной отлучки и дезертирства (D. 49, 16, 4, 14), которые, по мнению юриста, следует различать так же, как различают бродяжничество и бегство раба. Здесь мы наглядно видим, и насколько глубоко укоренилась в сознании римлян традиционная дихотомия *dominus — servus*, и насколько несладкой была солдатская доля.

Перечисление находок, которые ждут читателя этой книги, можно продолжать до бесконечности, но, разумеется, ему будет интереснее сделать эти открытия самому.

Не следует забывать при этом, какие трудности пришлось преодолеть переводчи-

¹¹ См. Скрипилев Е. А. Дигесты Юстиниана. — В ред. кн., с. 15.

ку, чтобы познакомить нас со всем богатством оригинала. В Дигестах наряду с фрагментами, легко поддающимися переводу, встречаются и такие, которые еще в средние века приобрели печальную славу «сruces iurisconsultorum» и «leges damnatae»¹². Это связано не только с состоянием самого дошедшего до нас текста, но и с тем, что для понимания правильного смысла того или иного места при многозначности римской юридической и иной терминологии необходимо хорошее знание контекста, а переводчику приходится иметь дело с отрывками из юридических сочинений, вырванными из контекста. Тут от переводчика требуются глубокие знания в области римского права и истории древнего Рима, начитанность в юридических текстах, исследовательский талант и чутье. Всеми этими качествами обладал И. С. Перетерский — автор единственной в нашей литературе монографии, посвященной Дигестам.

Для того чтобы показать, какую работу пришлось сделать переводчику, приведем в пример один далеко не самый сложный отрывок из трактата Ульпиана «Об обязанностях проконсула» (D. 2, 12, 9): «Божественный Траян в рескрипте к Минницию Наталу установил, что праздники освобождают (презида.— А. С.) лишь от судебных дел; то же, что относится к военной дисциплине, должно быть совершаемо и в праздничные дни; сюда относится и наблюдение за стражей (inter quae custodiarum quoque congitionem esse)». Последние слова можно с равным основанием перевести иначе: «Это относится и к расследованию дел о находящихся под стражей». В римских юридических текстах custodia обозначает и тюремных стражников, и людей, содержащихся под стражей. А поскольку тюремные стражники были в провинциях, как правило, муниципальными рабами и подчинялись непосредственно муниципальным властям, последнее значение термина может показаться в данном случае более предпочтительным¹³. Для того чтобы избрать правильный вариант, переводчик должен был учесть то, что, как сообщает Ульпиан в том же трактате (D. 1, 16, 6 пр.), проконсулы обычно поручали расследование дел о находящихся под стражей своим легатам, а с другой стороны, судя по переписке Плиния с Траяном, наместники провинций держали городскую тюремную стражу под своим неуспынным контролем (Plin., Epist. X, 19 и 20).

Неудивительно, что перевод 30 печатных листов текста такого рода потребовал от переводчика более 10 лет поистине титанического труда¹⁴. Несмотря на то что эта работа была начата в пору военного лихолетья, в сложных условиях, а завершалась в годы тяжелой болезни автора, она выполнена на очень высоком научном уровне. Труд И. С. Перетерского можно по праву назвать одним из выдающихся достижений советской переводной литературы по истории древнего мира.

Разумеется, эта книга, как и любая иная, несвободна от отдельных спорных моментов и недочетов, на которых следует остановиться, чтобы наглядно показать, насколько неоднозначной является интерпретация римских юридических текстов. Кроме того, по нашему мнению, рецензия на серьезный и полезный труд должна быть тоже как можно более серьезной и полезной, т. е. полной, рзносторонней и конкретной.

Обратимся сначала к знаменитому фрагменту из «Энхиридиия» Помпония «О происхождении права...», перевод которого особенно труден из-за плохой сохранности дошедшего до нас текста.

D. 1, 2, 2, 18: «...так появились диктаторы, на которых нельзя было жаловаться» (itaque dictatores proditi sunt, a quibus nec provocandi ius fuit). Здесь, может быть, точнее было бы: «...в отношении которых право провокации (обжалования) не действовало...». То же самое касается и консулов (D. 1, 2, 2, 16).

D. 1, 2, 2, 19: «...их (начальников конницы.— А. С.) должность была почти такой же, как в настоящее время должность префекта претория; но имелись и законные магистраты» (magistratus tamen habebantur legitimi). Здесь, видимо, вернее: «...однако они считались законными магистратами (в отличие от префектов претория)».

D. 1, 2, 2, 32: «Потом Корнелий Сулла установил государственное расследование дел (quaestiones publicas constituit) о подлогах, об убийстве родичей, о бандитизме...». Очевидно, государственное расследование дел по этим преступлениям происходило и

¹² См. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. М., 1956, с. 49.

¹³ Именно так переводит «custodia» в этом тексте Ф. Дыдынский (Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1896, s. v. custodia).

¹⁴ Богуславский М. М. И. С. Перетерский.— В рец. кн., с. 445.

до Суллы, здесь же, видимо, имеется в виду установление Суллой новых судебных комиссий.

D. 1, 2, 41: «После них Квинт Муций, сын Публия, верховный жрец, первый обобщил гражданское право (*ius civile primum constituit generatim*)...». Здесь точнее было бы: «...первый систематизировал гражданское право, изложив его по родам».

Коснемся также рассуждений Павла о прерогативах магистратов в его «Комментариях к Сабину». D. 1, 7, 3 (а также D. 1, 14, 2): «Если сын семейства является консулом или презесом, то он может самого себя освободить из-под власти (отца семейства. — А. С.) или совершить усыновление себя». Чтобы не вводить в заблуждение неопытного читателя, стоило бы дать менее буквальный перевод: «...то он может утвердить свое освобождение из-под власти (произведенное отцом семейства) или усыновление себя самого (другим лицом)».

Большой интерес представляют фрагменты из сочинения Ульпиана «О должностях префекта города».

D. 1, 12, 1, 11: «Забота о всяком мясе, чтобы оно поставлялось по справедливым ценам, относится к заботам префектуры; также свиной рынок находится под ее наблюдением, и другие рынки, на которых продаются иные животные или выючные животные, в отношении поставок входят в круг ее забот» (*et ideo et forum suarium sub ipsius cura est: sed et ceterorum pecorum sive armentorum quae ad huiusmodi praebitionem spectant ad ipsius curam pertinet*). Нам представляется более предпочтительным другой вариант: «...а потому под его наблюдением находится как свиной рынок, так и другие рынки, связанные с какого-либо рода поставками прочего мелкого и крупного рогатого скота». Здесь, видимо, имеется в виду контроль префекта города над оптовыми мясоторговцами, определяющими цену на мясо.

D. 1, 12, 1, 12: «Также спокойствие жителей (*quies quoque popularium*) и порядок во время спектаклей, как кажется, относятся к заботам префекта города, и, конечно, он должен иметь воинов, расставленных по постам для охраны спокойствия жителей и для донесения о том, что произошло». Здесь, судя по контексту, речь идет не об охране спокойствия жителей, а об охране общественного покоя (или общественного порядка) от беспокойных жителей.

D. 1, 15, 5: «Императоры Север и Антонин дали префекту ночной стражи Юнию Руфину следующий рескрипт: „Нанимателей домов (*insularios*) и тех, кто небрежно обращается у себя с огнем, можно по твоему приказу наказывать розгами или бичами...“. В примечании сказано, что имеются в виду небольшие дома, нанимателями которых являлись лица низших сословий. Однако, как известно, снять в Риме отдельный дом мог только исключительно богатый человек, который вряд ли принадлежал к «сеченому» люду. Видимо, инсуларии в данном контексте — это не наниматели домов, а управляющие многоквартирными домами, которые, как правило, являлись рабами или вольноотпущенниками».

Спорным представляется перевод фрагмента из вышеупомянутого трактата Ульпиана «Об обязанностях проконсула».

D. 1, 6, 2: «Итак, произведи расследование по жалобам тех, кто из дома Юлия Сабина прибежал к статуе (императора), и, если ты установишь, что с ними обращались более жестоко, чем следует по справедливости, или что им причиняли постыдные обиды, то прикажи, чтобы они не были возвращены под власть хозяина (*veniri iube ita, ut in potestate domini non revertantur*)». Пропуск слова *veniri* привел к изменению смысла отрывка. Точнее было бы: «Прикажи их (рабов) п р о д а т ь так, чтобы они не вернулись под власть хозяина».

У того же Ульпиана в «Комментарии к эдикту» говорится о порядке вызова в суд (D. 2, 4, 4, 1): «Претор говорит: „Восходящих родственников патрона, детей патрон и восходящих патрона никто не должен вызывать в суд без моего приказа“». Более точный вариант: «Восходящего родственника, патрона, патрону, нисходящих и восходящих родственников патрона (или) патроны никто не должен вызывать в суд».

Не совсем понятен перевод одного фрагмента Павла (D. 12, 3, 11): «Нет обыкновения производить с легкостью расследование о принесении ложной присяги, кто дал присягу в силу вытекающей из права необходимости (*De periurio eius qui ex necessitate iuris in litem iuravit, quaeri facile non solere*)». Наш вариант: «Обычно нелегко

установить лживость того, кто принес перед судом присягу в силу вытекающей из права необходимости».

Спорным представляется нам перевод отрывка из Ульпиана об исках, вытекающих из поручения. D. 17, 1, 16: «Аврелий Квинт дал поручение своему гостю (*hospiti suo*) врачу устроить на свои средства в садах, которые тот имел в Равенне и в которые он имел обыкновенно ежегодно удаляться, площадку для игры в мяч, и паровую баню, и другое нужное для его здоровья. За вычетом того, насколько его здания увеличились в своей стоимости, остаток произведенных им расходов может быть взыскан с него (Аврелия) путем иска, вытекающего из поручения». Можно думать, что в данном контексте *hospes* — это не гость, а хозяин-гостеприимец.

Не совсем точно переведен интересный фрагмент Ульпиана (D. 23, 2, 43, 9): «Если содержательница гостиницы имеет в ней продажных женщин, как многие это делают под тем предлогом, что они имеют проституток для обслуживания гостиницы (т. е. содержат проституток под видом служащих), то следует сказать что и эта женщина объемлется названием сводни...». «*Sub praetextu instrumenti sauronii*» стоило бы перевести: «под предлогом, что они входят в инвентарь гостиницы», чтобы читателю был ясен рабский статус такого «обслуживающего персонала».

Очень интересен фрагмент Павла, посвященный опекунам (D. 26, 2, 32): «Я спрашиваю: может ли кто-либо назначить в завещании опекунов не из той же общины (*non eiusdem civitatis cives*). Павел ответил: можно». Более точный перевод («...опекунов, которые не являются гражданами той же общины») дает представление о значении института местного гражданства в эпоху эдикта Каракаллы.

Вызывает возражение перевод некоторых конкретно-исторических терминов. *Juridicus* (D. 1, 20) — это не «окружной судья», а главный судья Александрии. *Ministeria municipalia* (D. 4, 6, 10) — это не «муниципальные должностные лица» (т. е. не магистраты), а «муниципальные служители» (городские рабы). *Κοινὸν τῶν Θεσσαλῶν* (D. 5, 1, 37) — это не «община фессалийцев», а Фессалийский союз. *Milites stationarii* (D. 11, 4, 1, 2) — это не «муниципальные полицейские», а воины, несущие полицейскую службу. *Curatores operum* (D. 22, 1, 17, 7) лучше переводить не «чиновники муниципиев», а «кураторы построек».

Иногда пропущены такие словосочетания или отдельные слова внутри фрагментов, которые важны для уяснения смысла оригинала. Так, например, в разделе «Об эдиктском эдикте...» (D. 21, 1, 1, 9) читаем: «...если раб (не всегда) болтает головой и сделал какое-либо порицание (очевидно, опечатка.— А. С.), то признается ли он тем не менее здоровым?» В оригинале же стоит: «...если раб (не всегда) болтает головой¹⁵ среди (исступленных) фанатиков (*inter fanaticos*) и сделал какое-либо прорицание...».

Иногда не отмечены интерполяции, которые указаны в стереотипном издании и сами по себе вполне очевидны. Например, упоминание золотых, или солидов, которые не были в ходу в эпоху Ранней империи: D. 2, 1, 7 pr.; 9, 3, 1 pr.; 9, 3, 1, 5; 11, 4, 1, 2; 21, 1, 42; 24, 1, 66 pr.

Можно отметить также отдельные недочеты в переводе И. И. Яковкина. Так, вряд ли удачен перевод общего термина *miles* (воин) более узким термином «легионер». Невнимание к градациям внутри воинов приводит к неточностям в переводе. Автор тактует *militiae mutatio* как «перевод в другую часть» (D. 49, 16, 3; 13; 49, 16, 3, 16, 49, 16, 6, 7; 49, 16, 13, 4). Слова «*in deteriores militiam dandus*» переведены «зачислен в штрафную часть» (D. 49, 16, 4, 11; 49, 16, 13, 6). На самом деле в обоих случаях идет речь об одном и том же наказании, которое заключалось не в переводе в другую часть, а в переводе в другой, менее привилегированный вид войск (например, из преторианской гвардии в легионы или из легионов во флот). В D. 49, 16, 40 вместо «Тот, кто дезертировал с поста во дворце» стоит: «Легионер, дезертировавший с поста во дворце». Однако легионеры службы во дворце не несли. Это было прерогативой преторианцев и *equites singulares*. В D. 49, 16, 8 перечисляются категории лиц, которым запрещена служба в армии: «Равным образом (не могут быть зачислены на военную службу) и те, которые, будучи свободными, добровольно находятся в услужении (*qui ingenui bona fide serviunt*)». Правильный перевод этого выражения: «...те, которые,

¹⁵ Ср. Пиотровский М. Б. Пророческое движение в Аравии VII в. — В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984, с. 20.

будучи свободнорожденными, считаются рабами вследствие добросовестного заблуждения (хозяина или даже самого „раба“). Именно так его переводит И. С. Перетерский (D. 4, 6, 11; 12, 4, 3, 5).

Нам представляется спорным (принадлежит ли это переводчику или издателям?) отказ давать в заголовках к фрагментам наряду с именем автора название соответствующего произведения. Конечно, это значительно экономит объем, но, с другой стороны, в ряде случаев препятствует правильному пониманию смысла фрагмента. См., например, D. 1, 21, 1; 2, 12, 9; 10, 4, 19; 22, 1, 33¹⁶.

Встречаются неточности при передаче отдельных имен и должностей, не устраненные при сверке перевода с оригиналом. Особенно досадный промах — D. 1, 2, 2, 44: «Из этих слушателей наибольший авторитет имели Альфен Вар и Авл Офилий, из которых Авл был консулом, а Офилий пребывал в сословии всадников» (вместо «Вар был консулом, а Офилий пребывал в сословии всадников»)¹⁷.

Не всегда отмечены троеточиями пропуски отдельных слов или словосочетаний внутри фрагментов¹⁸. Можно было бы дополнить перечень имен в приложениях, добавив туда юристов Юния Гракхана и Минция Натала.

Закljučая этот затянувшийся обзор спорных моментов и отдельных недочетов, следует отметить, что, учитывая огромный объем и сложность переведенного текста, их удельный вес в рецензируемом издании очень невелик. Касаясь по большей части конкретно-исторических реалий, а не сути юридических норм и постулатов, они не могут повлиять на общую высокую оценку этого труда и умалить благодарность читателя автору перевода и инициатору его издания. Эта книга должна значительно облегчить работу историков с оригиналом и стать основой для более прочного и широкого освоения римских правовых источников советским антиковедением.

¹⁶ Сам И. С. Перетерский показал в своей монографии, насколько важно знать, откуда взят тот или иной фрагмент, для уяснения его истинного смысла (*Перетерский. Дигесты...*, с. 70—71).

¹⁷ См. также D. 1,2,2,39; 1,2,2,44; 1,15,31; 1,16,6,3; 2,2,1; 2,8,2,14; 11, 4, 1, 8; 12,1,40; 12,4,3,5; 17,1,16; 22,5,3,1; 49, 16,4.

¹⁸ D. 1,1,6; 1,2,2,7; 1,2,2,43; 1,2,2,10; 1,2,2,39; 1,2,2,45; 1,2,2,47; 1,3,31; 2,3,1 pr.; 2,6,1; 3,2,11,4; 3,4,7,1; 4,8,3,3; 12,2,5; 21,1,1,9; 22,5,3,5; 23,2,27; 23,12,42; 23,3,6,1; 24,1,3,1; 25,1,14; 26,2,32.

А. Л. Смышляев

Э. М. ЯНШИНА. *Формирование и развитие древнекитайской мифологии*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984

Монография Э. М. Яншиной, первое в советской синологии специальное исследование, посвященное проблемам эволюции мифологических воззрений древних китайцев, представляет собой итог многолетних научных изысканий автора в данной области и как обобщающее исследование показывает широкую картину духовной жизни древнего Китая с оригинальной и смелой трактовкой ряда наиболее популярных и интересных сюжетов древнекитайской мифопоэтической традиции.

Автор прослеживает долгий путь эволюции мифологического сознания, рассматривая его не только в тесной связи с историко-социальными фактами, но и под углом зрения отражения мифопоэтической традиции в таких явлениях культуры, как изобразительное искусство и, насколько это оказывается возможным, фольклор. Комплексный подход и соединение столь трудных задач, как показ развития древнекитайской мифологии в контексте общего историко-культурного процесса и анализ образной системы мышления на ранних этапах истории, потребовал от автора внимательного изучения и освоения огромного и сложного материала широкого круга памятников древнекитайской письменности, привлечения большого изобразительного материала,